

Лермонтов Михаил
(1826)

27.07.01

17

27 июля - день гибели М. Ю. Лермонтова

Поэт на Железных водах

Моск. правда. - 2001. - 27 июля. - с. 5

Утро своего последнего дня Михаил Лермонтов встретил в Железноводске в небольшом неказистом одноэтажном доме, располагавшемся на Курсовой улице - первой улице зарождавшегося курорта.

...По ходатайству Ермолова в 1822 году решено было на водах построить «две ванны, ресторации, аптеки и дома для тяжелобольных», на что от казны требовалось 55080 рублей 50 копеек. Быстро появилось два новых деревянных дома, купальни из сосновых брусьев, хорошие калмыцкие кибитки с пологом, дверьми и окнами, солдатские балаганы, казачьи посты с часовыми. В домах размещалось до 28 человек и за ночлег «без торгу требовали по 10 руб. в сутки», что было далеко не дешево. В лесу солдаты рабочей роты и казаки прокладывали дорожки, аллеи, прорубили километровую просеку, впоследствии ставшую первой улицей города. От площадки - центра поселения, где по желтоватым склонам струились ручьи благодатной воды, началась разбивка лечебного парка.

Таким в 1837 году, во время первой своей ссылки на Кавказ, Лермонтов увидел строящийся курорт, где «у ног волнуется лес, журчат целебные источники горячей и студеной воды, средь кустов виднеются хижины, крытые камышом, над ними белеют ванны, суетятся люди, прибывшие издалека лечить немочи души и тела».

В начале июля 1841 года (вторая ссылка поэта), не оставляя пятигорской квартиры, Лермонтов приехал на лечение в Железноводск. По рапорту смотрителя курорта Маевского известно, что Михаил Юрьевич прибыл для приема ванн или 7, или 8 июля, и, кроме того, в «Книге регистрации Кавказских минеральных вод на записку прихода и расхода купальных ванн» за 1841 год было записано: «От 8 июля г. поручику Лермонтову четыре билета в Калмыцкие ванны по 50 коп. билет на два рубля». Лермонтов стал принимать ванны, а вечерами он выезжал в Пятигорск.

Однако 10 июля у Михаила Юрьевича, возвращавшегося в действующую армию, закончился шестинедельный отпуск. Через два дня его вызвал комендант полковник В. И. Ильяшенков и разрешил остаться в городе только до 15-го числа, предложив для завершения

лечения окончательно переехать на новый курорт.

Михаил Юрьевич и его двоюродный дядя, бывший всего на два года старше поэта, Алексей Аркадьевич Столыпин по прозвищу Монго 14 июля перебрались в Железноводск и разместились в одном из деревянных двухкомнатных домиков Ионы Карпова, построенных вдоль Курсовой улицы. В этот дом утром 15 июля камердинер поэта Иван Соколов из Пятигорска перевез и вещи, принадлежавшие Лермонтову. В то же утро, купив еще «пять билетов на ванны № 1 и 2 по 50 коп. билет на 2 р. 50 коп.», он решил продолжить лечение.

Как будто бы все шло своим чередом. Если бы только не одно роковое обстоятельство. Двумя днями раньше, 13 июля, в соседнем с пятигорской квартирой Лермонтова доме Верзилиных состоялся танцевальный вечер. Обычно «по воскресеньям бывали собрания в ресторации, и вот именно 13 июля, - вспоминает Эмилия Шан-

Гирей, - собралось к нам несколько девиц и мужчин и порешили не ехать в собрание, а провести вечер дома, находя это приятнее и веселее». На нем Михаил Лермон-

ней своей родственницей Екатериной Быховец. Она привезла на лечение свою тетку и к тому же обещала приехать к нему на Железные. Сопровождали ее Лев Пушкин (брат поэта), Михаил Дмитриевский, Александр Бенкендорф. Последние двое, вероятно, приехали в Железноводск специально - сообщить Лермонтову о месте и времени поединка. Михаил и Катенька под руку гуляли по роще, он был с ней необычайно нежен, но грустен, благодарил за приезд и просил зайти «к нему на квартиру закусить», но она отказалась. Вскоре все отправились обратно. На полпути к Пятигорску остановились в колонии, называвшейся Шотландской (или Каррас), где у приветливой и гостеприимной немки Анны Ивановны Рошке, в обществе ее милейших и обаятельнейших прислужниц Милле и Гретхен, привлекавших «русских воинов», всегда можно было вкусно и дешево пообедать. Это была кофейня, «нечто вроде ресторана», куда «со всем семейством из Пятигорска» приезжали его жители...

После импровизированного пикника секунденты и друзья поэта думали, что ссора завершится любовно и примирение противников будет празднично отмечено в том же доме у Верзилиных, где она и произошла. Но о предстоящей дуэли никто не проронил ни слова, а Екатерина Быховец даже ничего о ней и не знала.

В 5 часов вечера Лермонтов «выехал в хорошем расположении духа» в сторону Машука. А. И. Арнольди, однополчанин поэта, встретившийся в этот момент ему на пути, вспоминал: «Я... встретил извозчицы дрожки с Дмитриевским и Лермонтовым и на скаку поймал прощальный взгляд его... последний в жизни». Прошло еще полтора часа, и погиб «гений, предвещавший небывалый расцвет».

...В 1964 году, в 150-ю годовщину со дня рождения Лермонтова на одном из одноэтажных флигелей, доме № 11, по инициативе И. Л. Андроникова установили мемориальную доску в память о поэте, а источник № 1 стал носить его имя, рядом с ним в 1988 году был открыт памятник.

Всеволод ЧУБУКОВ.

На снимке: памятник М. Ю. Лермонтову работы скульптора Л. В. Тазбы.

тов и Николай Мартынов повздорили, и последний вызвал поэта на дуэль.

Друзья поэта, пытавшиеся уладить конфликт, стали уговаривать его на время покинуть Пятигорск, так как думали, что «время даст забыть ссору». Лермонтову и так пришлось уехать в Железноводск. Однако Мартынов остался непреклонным: «Дождаться я не могу... Я не шучу и не отступлю от дуэли». Тогда боевой друг поэта, бесшабашная голова, непредсказуемый буян и большой проказник Руфин Дорохов пошел на хитрость, спросив Мартынова: «А кто у вас будет секундантом?». Тот обратился к князю Васильчикову, «который, к изумлению всех, согласился». Дуэль была предпринята. Всем было ясно, что Мартынов пошел на такой шаг, чтобы «сбросить с себя мнение, которое существовало о нем... как о необычайном трусе».

15 июля (27 июля по новому стилю), в последний свой день Михаил Юрьевич встретился с даль-